

уединеннаго мыслителя“, прервавшаго связи съ молодой дѣвушкой; Антигону, разсорившуюся съ своимъ возлюбленнымъ за то, что она не хотѣла открыть ему тайну брака ея отца Эдипа; обширный религіозный трудъ объ Авраамѣ и Исаакѣ, написанный съ какимъ-то френетическимъ восторгомъ предъ Авраамомъ; наконецъ, массу рѣчей и т. д.

Теорія „господствующей способности“ окажется тутъ ни къ чему непригодною. Найти у Кіеркегаарда „господствующую способность“ — очень легко; можно прямо сказать: это — пѣтизмъ, дошедшій до энтузіазма. Но какъ это поможетъ намъ понять писателя? и я самъ долго не понималъ его. Наконецъ, я открылъ, какимъ образомъ одинъ случай изъ его юности, а именно, обѣщаніе вступить въ бракъ, не состоявшійся по причинѣ физическаго и религіознаго характера, опредѣлилъ напередъ цѣлый періодъ жизни писателя. Узелъ во всемъ этомъ происшествіи составляетъ — „благочестивый обманъ“, и вотъ какъ послѣ я объяснилъ себѣ все это дѣло.

То, что Кіеркегаардъ узналъ впоследствии изъ прошедшаго своей невѣсты, внушало опасеніе, чтобы разрывъ между ними не стоилъ ему жизни, и онъ счелъ священною обязанностью умолчать о настоящей причинѣ своего отреченія. Чтобы скрыть это, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующему средству: онъ началъ мучить невѣсту и надѣлать ей съ цѣлью сдѣлать себя ненавистнымъ и тѣмъ облегчить ей непріятность разрыва. Кромѣ того, онъ старался представить себя въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, чтобы прослыть вообще за легкомысленнаго негодяя, въ увѣренности, что осужденіе его со стороны всего общества облегчитъ молодой дѣвушкѣ размовку, — и въ то же время дѣлалъ все возможное къ утвержденію ея въ религіозной вѣрѣ, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ подкрѣпить ея силы къ перенесенію горя. Комическій элементъ всей этой исторіи состоитъ въ томъ, что дѣвушка такъ мало горѣла желаніемъ выйти за него замужъ, что пятнадцать дней спустя была уже невѣстою одного изъ своихъ кузеновъ. Постараюсь теперь объяснить, какимъ образомъ все пережитое Кіеркегаардомъ отразилось на его произведеніяхъ, которыя, повидимому, не имѣли ничего общаго съ обстоятельствами его жизни, — а между тѣмъ иначе нельзя понять ни источника, ни внутренняго значенія его произведеній. Такое соотношеніе произведеній и жизни автора въ нѣкоторыхъ случаяхъ бросается само собою въ глаза, особенно если обратить на то вниманіе. Такъ, напримѣръ, у Кіеркегаарда непременно является подлѣ Эльвиры Донъ-Жуанъ, подлѣ Маріи Бомарше — Клавиго. Есть